

Круговорот

Жаклин де Гё

Мир устроен хорошо и правильно — в нем есть все, что нужно, и все на своих местах. Гряды утесов охраняют речную долину. Растущие на их склонах сосны дают приют птицам и белкам. Река бежит по каменистому ложу, шумит на перекатах, поит чистой водой людей и животных.

Это видимый мир. А еще есть невидимый, и там тоже все на своих местах. Извечные светлые духи живут на небесах, а извечные темные — в подземном царстве. Там тоже река, но вместо воды в ней слезы, а единственный мост тонок, как волос, и вход на него охраняют два страшных голопузых чудовища с огромными прожорливыми ртами — Мор и Болезнь. За мостом стоит дворец владыки темных — чернокудрого и черноусого Эрлиха. Те из людей, кто жил не по правде, после смерти навечно становятся его рабами. Только шаман может избежать рабства, даже если ступил при жизни на дорогу зла. Он сам станет темным духом, будет свободно покидать царство мрака, преследовать тех, кто не угодил ему при жизни. Хотя никогда бывший смертный не достигнет могущества извечных. Мелки и слабосильны такие духи. Владыка Эрлих их не жалуется — не зовет пировать во дворце, не делится жертвенными подношениями. Вечно голодны души темных шаманов, вечно рыщут вокруг аиллов в поисках добычи.

Зато те, кто чтит установленные от начала мира порядки, становятся свободными и счастливыми светлыми духами. Остаются жить среди сосновых лесов и зеленых долин, радоваться свежему ветру, яркому солнцу, чистому небу, быстрой реке. И охраняют своих потомков от хворей и бед.

Невидимый мир Турушу недоступен, хотя в роду его деда по матери многие были шаманами. Старый Уктабай все надеется, что и у внука наконец проснется дар видеть незримое. Очень уж ему хочется передать бубен прямому потомку. Только Туруш давно перестал ждать чуда — двадцать вторую весну встречает, какой там дар... Да, может, и к лучшему, что духи и видения его не беспокоят — жутко смотреть на деда во время камланий, а еще страшнее слушать потом его рассказы о странствиях между мирами. Несколько раз, пытаясь нагнать ускользнувшую из тела большого душу, доходил Уктабай до самого волосяного моста. Видел и чудищ, и стаи темных слуг Эрлиха, и его чешуйчатых дочерей, которые мнят себя красотками и заманивают шаманов сладкими речами. Горе тому, кто поддастся на их уговоры, — не вернуться ему обратно. Но Уктабая с пути не собьешь. Он знает, как отогнать ведьм, — стучит в бубен, поет заклинания, обещает бесстыдницам, что пожалуется на них отцу.

Нет уж, не нужны Турушу такие опасные испытания. Ему и так неплохо живется. А вот сестра, косоглазая Байныс, очень хотела бы стать шаманкой. Видать, думает, что тогда парни начнут ею восхищаться, а другие девчонки — завидовать. «Глупая Байныс, — думает Туруш, сидя у реки,

ФАНТАСТИКА

— разве парням это нужно? Уродина не станет желанной оттого, что увешала халат амулетами. Лучше бы посма-тривала не на ровесников, а на старых вдовцов. Они и некрасивую могут в жены взять, лишь бы молоденькая. Женился же мой отец на ее матери».

Но четырнадцатилетняя Байныс даже слышать не хочет о том, чтобы идти в дом к старику, — каждый раз начинает плакать так горько и жалобно, что мать ее не выдерживает и плачет вместе с ней. А потом поворачивается к отцу и начинает визгливо упрекать — дескать, он и ее молодость загубил, и дочери такой же судьбы хочет. Отец машет рукой и уходит к коновязи — пожаловаться лошадям на крикливых баб.

Туруш сидит на поваленной бурей сосне, щурится от сверкающих на реке солнечных бликов. Над головой качает кроны майский ветер. С гулким шумом бьется о валуны порогов речная вода. Снег давно сошел, подлесок зазеленел. Кое-где на солнцепеке уже и ранние цветы распускаться начали. Пахнет смолой, хвоей, нагретой землей, свежей травой. Хорошо!

Над порогами висит радужной дымкой мелкая водяная пыль — игривый дух там поселился, своевольный. Люди из аила Туруша считают это место священным. Подносят хозяину порога угощение, поят самодельным ячменным пивом и покупной водкой. Потому и рыба хорошо идет в снасти, и люди в реке не тонут.

На другом берегу появляются двое, мужчина и женщина. Не соплеменники Туруша, а Чтущие Чужой Закон. Люди их рода пришли в землю долин и утесов давно. Раньше жили сами по себе, в дела аила не мешались. Приезжал иногда пышноусый мужчина в богатом наряде, на хорошем коне — становой пристав. Собирал дань. Важного гостя принимали с почетом, старались, чтобы уехал довольным. Он тоже был частью установленного миропорядка — дед Уктабай говорил, что даже в подземном царстве есть свои духи-становые. Они собирают для Эрлиха мясо жертвенных животных. А если не принести жертв — гnevаются, уводят взамен в рабство души людей. Вот и Чужому Закону надо приносить жертвы, тогда он не тронет. И Чужой Закон не трогал.

А потом случилось неожиданное — Чтущие поменяли Закон. Вместо важного станового приехал худой человек в черной тужурке и картузе с красной звездой, а при нем — стриженная девка в штанах и с наганом. Дань брать не захотели, говорили много странного, непонятного. Старики долго потом обсуждали их речи, да так и не решились, чему верить, а чему нет. Сошлись в одном — раз новая власть побрезговала подношениями, жди беды. А спустя несколько лет на лесистом склоне над рекой стала расти круговая каменная стена. Все поняли — началось. На землю рода пришло что-то чужое, враждебное раз-умному и привычному вековому порядку.

Эти двое — оттуда, из-за стены. Туруш видел их раньше, знает, кто они такие. Мужчину зовут Ынжынер, ему подчиняются те, кто прокладывает дорогу через долину. О женщине говорят, что она «жена Большого Человека», сбежавшая от мужа. Она не похожа на женщин айла — высокая, широкоплечая, светловолосая. Ынжынер тоже высокий и статный. Он рассказывает что-то, оживленно размахивает руками. Ветер доносит до Туруша обрывки фраз, всплески смеха. Вдруг женщина начинает жестиковать, хватая Ынжынера за тужурку, тянет прочь от реки. Он отмахивается, смеется все громче.

«Куда же он лезет, глупый!» — Туруш, замерев, смотрит на ненормального Чтущего. Тот уже скинул и тужурку, и рубаху, проворно сбрасывает с ног сапоги, избавляется от штанов. Приплясывая на холодном, не прогретом еще под весенним солнцем глинистом берегу, быстро добегают до воды. Мгновение — и он уже по поясу в реке. Приседает, окунается чуть ли не с головой, кричит женщине что-то победно-торжествующее.

— Ну, вылезай же, — умоляюще шепчет Туруш. — Вылезай, пока он тебя не заметил...

Лед сошел не так давно, река еще по-весеннему полноводна, и духу пока не приносили обычной жертвы. А раз так — в воду лучше не заходить. С голодным хозяином порога шутки плохи.

— Уходи! — машет руками Туруш.

Ынжынер оборачивается. Он не понимает, что кричит парень. Приветственно машет в ответ, делает шаг, другой...

Туруш тоскливо смотрит, как проваливается под воду внезапно схваченный за ноги коварным донным течением человек, как закручивается воронкой река над местом его исчезновения. Вот взметнулись еще раз руки, вынырнула голова с выпученными от ужаса глазами — пловец отчаянно борется с невидимым противником, рвется к свету и воздуху... Но дух-озорник опять тянет добычу вниз, играет с пленником, как кот с пойманной мышью. Тащит бьющееся в агонии тело к острым уступам и валунам.

Женщина истошно кричит, бежит вниз по берегу. Еще надеется на что-то? Или просто не успела понять, что произошло? Туруш качает головой. Крик да беготня уже ничего не изменят. Хозяин порога забрал свою жертву.

Светлый брат темного Эрлиха — мудрый Юлген — водит солнце по небесному своду, режет время окровавленным лезвием заката, делит его на дни и ночи. Отрезанные дни падают на землю, оборачиваются то набухшими почками, то душистыми цветами, то сочными ягодами. А к осени — жухлыми листьями, серыми тучами и кричащими над головой стаями птиц. Осень совсем скоро. Байныс радуется — отец согласился отдать ее в школу. Она уже не хочет быть шаманкой — ведь всем известно, что Чтущие запретили своим шаманам камлать и разрушили их молельни.

— Ольга говорит, скоро и нашим запретят, — уверенно повторяет чужие речи Байныс.

Ольгой зовут стриженую девку. Она теперь учительствует, штаны поменяла на платье. Байныс слушает Ольгу, раскрыв рот, каждому слову верит. Туруш пожимает плечами — как можно запретить говорить с духами? Они не всегда ждут, пока их позовут. Если им надо, сами являются. Большие Люди Чтущих могут сколько угодно

переписывать свой Закон, духам он не указ. Ох уж эти Большие Люди. Собственных жен в узде держать не могут, а берутся невидимым миром управлять...

При мысли о чужих женах и невидимом мире Туруш переживает. Вспоминает солнечный майский день, ледяной поток, захлебывающегося пловца. Чтущие тогда так и не нашли тело. Старый Уктабай, ничего никому не сказав, позже спустился с внуком далеко вниз по течению, выловил то, что осталось от Ынжынера. Схоронил в пещере над той излучиной, где его прибило к берегу. Провел обряд, странный, зловещий, и настоял, чтобы внук при нем присутствовал. После этого у парня и открылся наконец семейный дар. Стали являться ему во сне то дух утопленника, то хозяин порога, то оба сразу. Манили за собой. Малая душа Туруша — та, что может оставлять тело, когда человек спит или без сознания, — с трудом противилась их настойчивому зову. Много раз была готова последовать за ними, но каждый раз Туруш вовремя просыпался и потом до рассвета не мог сомкнуть глаз.

Жена Большого Человека все еще живет в поселке за высокой стеной. После гибели Ынжынера муж приезжал за ней, упрашивал вернуться. Туруш видел его мельком в мчавшейся по дороге открытой повозке. Большой человек разочаровал его — оказался не богатырем-великаном, а совсем невидным мужчиной, низкорослым, худым и сутулым. Да и старым к тому же, почти как отец Туруша, — голова и борода будто солью посыпаны. Невидимо, что не послушалась его светловолосая, не вернулась. Но слух прошел, что и не отказала наотрез, а поставила мужу условие. Велела подарить ей маленькое солнце, чтобы светило темными вечерами в горнице, разгоняло мрак. Тогда, мол, вернется. Узнав об этом, люди в айле только руками развели. Ишь чего захотела, усмехались старики. Не иначе, женой самого Юлгена себя возомнила.

Однако скоро стало не до усмешек. Оказалось, что за невзрачным обликом Большого Человека и впрямь таились могучие, послушные его приказам силы. Загрохотали по новым дорогам самодвижущиеся повозки, повезли на деревянных спинах укутанные в мешковину ящики — прямо к тому месту, где утонул Ынжынер. Ольга пришла на сходку айла, много говорила. По речам ее выходило, что и в самом деле есть способ исполнить желание капризной женщины. Надо только построить на порогах колдовскую мельницу. Будет падающая вода крутить волшебные жернова, молоть в мелкую крупу солнечные лучи, а Чтущие станут щедрой мерой раздавать намолот всем, кто боится ночной темноты.

Дед Уктабай после сходки объяснил соплеменникам то, о чем промолчала Ольга. Достойным врагом речному духу оказалась светловолосая. Не смирилась, не простила. Не бабья причуда заставила ее просить у мужа солнце с неба, а месть. Решила колдовской мельницей известить хозяина порога. Но разве сдастся без борьбы бессмертный? Разве уступит? Страшно Турушу, ох как страшно...

Низко висят тяжелые тучи. Падают на прихваченную ранним заморозком землю редкие снежинки. Гулко гремит бубен, далеко разносится его стук. Заунывно звучит надтреснутый старческий голос — дед Уктабай советуется с предками. Духи умерших слетаются на зов.

Туруш теперь тоже может их видеть. Безглазые тени, легкие, как снежинки, и такие же белые, кружат в холодном воздухе, жадно втягивают ноздрями хмельной запах пива и вкусный пар, идущий от ячменной похлебки. Среди даров нет свежего мяса — старый шаман пока не хочет помощи темных, потому не принес кровавой жертвы. А светлые не требуют крови. Хоть и любят полакомиться, настоящий голод никогда их не мучает. Светлые — добрые духи.

Уктабай обращается к прабабке, шаманке Айлу. Знаменита была Айлу, до сих пор вспоминают о ней в айле. Умела договориться с извечными, знала, что и как попросить. Правнук-шаман напоминает старухе, как качала она его на коленях, как радовалась первым шагам и первым словам. С почтением отзывается о ее мудрости. Рассказывает о плохих новостях. Объясняет, как помочь. «Ты все знаешь, все понимаешь, бабушка Айлу. Тебе ведомы и жизнь айла, и дела Чтущих, и тайны извечных, и секреты женского сердца. Прими обличье Ынжынера, явись светловолосой в ее снах, поговори с ней по-хорошему. Попроси отослать прочь и повозки и ящики, оставить в покое речного духа, забыть о мести. Пообещай, что за это укажешь, где спрятано тело».

Крепко пахнет ароматное пиво, радуется благосклонную светлую тень. Айлу кивает, манит за собой остальных.

Ветер все сильнее. Турушу холодно. Стынет тело, немеют щеки и пальцы. Медленно, кругами, поднимаются к серому небу довольные духи. Белой спиралью закручивается их хоровод, растворяется в вечернем небе. Камлание окончено.

Байныс все-таки глупая. Глаза и так косые, а она над книжками сидит, еще больше их портит.
— Зачем тебе книжки, Байныс? Какая польза от твоего чтения?

— Чтение — учение! — гордо объясняет сводная сестра. — Ольга говорит, я способная! Буду хорошо учиться — поможет в город перебраться, в училище поступить. Тогда учительницей стану, как она, буду в школе работать! Комнату дадут, деньги каждый месяц платить будут — вот какая польза! Никакой старый муж мне тогда не нужен! Сама себе хозяйка. Захочу — платье куплю, захочу — бусы. А захочу — на трамвае поеду! Вот! Все, не мешай! У меня завтра диктант!

Туруш изумленно смотрит на девчонку. На трамвае?! Вот же придумала...

Изменилась Байныс. Чужая женщина из чужого рода стала ей ближе родителей, ближе соплеменников. И не одну ее заморозили книги Чтущих, есть и другие, что хотят уехать в город, жить по Чужому Закону. Не зря все печальной поет ветер над айлом, все тревожней шумят сосны на склонах гор, все злее ворчит на порогах рассерженный дух.

Почему, думает Туруш, так странно и не к добру стала меняться вдруг жизнь? Вот и реку никак не хотят оставить в покое. Не поверила светловолосая вещим снам, не отослала повозки. Чтущие по-прежнему строят колдовскую мельницу — пригнали откуда-то много людей с лопатами, заставили рыть котлован, ставить перемычки. Дед сказал, нельзя допустить, чтобы разрушили жилище хозяина порога. Озлится извечный — много народу погубит. И еще сказал дед — раз Чтущие не хотят слушать светлых, придется звать на помощь темных. И велел внуку к ночи быть готовым.

ФАНТАСТИКА

Совсем не по душе это Турушу. Он знает, куда придется идти — в пещеру, где лежит под грудой плавника то, чем стал после обряда Ынжынер.

Бум. Бум. Звук бьется в висках, колотится тупой болью в затылке. Противно зудят от ритмичного стука суставы. Зуд заставляет их двигаться. Ох как не хочется шевелиться. Как трудно открыть глаза, поднять налитые неодолимой тяжестью веки. Но назойливый звук не дает забыться, не позволяет провалиться обратно в небытие.

«Вставай, — приказывает бубен, — вставай, принимайся за дело».

Мутная мгла. Ничего не разглядеть. Туруш медленно садится, опираясь на непослушные руки. Пытается оглядеться. Мир потерял почти все краски, звуки, ароматы. Только желтое пятно костра в серой пелене. Только резкие удары бубна. Только один запах. Кровь!

Вслепую, на четвереньках он подползает к валуну-жертвеннику. Углубление в камне полно до краев темной густой жидкостью. Лакать трудно, глотать тоже — такое чувство, что и губы, и гортань свело судорогой. Но свежая, горячая кровь согревает онемевшие мышцы, возвращает телу силу и энергию.

Выпив все до капли, он встает наконец на ноги и, пошатываясь, идет туда, куда приказывает бубен. Недалеко от выхода из пещеры замечает лежащее на спине тело. Молодой парень.

Знакомое, очень знакомое лицо. Некогда останавливаться, некогда вспоминать. Бубен грохочет. Надо идти.

Ноги вязнут в раскисшей прибрежной глине. Серая пелена так и не рассеялась до конца, не хочет показывать мир во всей его полноте. Хорошо различим лишь яркий круг висящей над котлованом луны. Ее холодный, мертвенно-белый свет блестит на поверхности реки, на островах подтаявшего снега, на штыке часового...

Запах! Он снова зовет, раздирает ноздри!

Часовой оборачивается. В лунном свете видны белки его выпученных от ужаса глаз. На бледном лице — черный провал разинутого в неслышном крике рта. Сдергивает с плеча винтовку, целится. Искристая вспышка. Толчок в грудь. Ни боли, ни даже простой щекотки. Нет причин замедлять шаг. Вперед, только вперед. Ведь именно этот человек с винтовкой — источник одуряюще вкусного запаха. Еще одна вспышка. И еще...

Часовой роняет бесполезное оружие, пятится к грочущему потоку. Оскользывается на влажной глине, падает навзничь. Теперь он никуда не денется. Остается только сделать последний шаг вперед. Рывком броситься на лежащего. Прижать его к земле. С наслаждением

вгрызться в хрипящее горло, рвать зубами податливую горячую плоть... И только потом, оторвавшись от изъеденного трупа, увидеть в его непомерно расширенных застывших зрачках свое отражение — разбитое о камни порога жуткое лицо утопленника.

Бум. Бум. Снова стучит в ушах бубен. Луна щерится с небес, заливая котлован призрачным светом. Серая пелена наконец исчезла. Теперь ясно видны бараки, стоящие вдалеке. Он шагает, таща за собой тело часового. Старается попадать в ритм, заданный бубном. На ходу отрывает кусок еще теплого мяса, запихивает в рот. Жует медленно, не глотает — так коровы перетирают челюстями травяную жвачку.

Голод исчез. Запах больше не терзает. Бубен зовет.

В бараке темно, только в самом конце прохода между нарами светит под потолком тусклая, вставленная в решетчатый колпак лампочка. «Пометь каждого», — подсказывает бубен.

Утопленник бредет от одного спящего к другому, мажет лбы кровавой, пропитанной ядовитой слюной смесью. «Быстрее, — удары все чаще, ритм все отрывистей. — Быстрее!» Стук заглушает все остальные звуки, не дает слышать крики проснувшихся за спиной, топот их ног. Он поворачивается, только когда чья-то рука хватается за плечо. Успеваешь сбить с ног троих, перепугать остальных. Но противников гораздо больше. Те, что оказались у самой стены, догадываются вооружиться составленными в углу лопатами. Острые лезвия легко разрубают гнилую плоть мертвеца. И через несколько минут все кончено.

Малая душа Туруша, освободившись, взмывает вверх, смотрит с высоты на узкие прямоугольники бараков, зияющий провал котлована, тусклую ленту реки, лесистые холмы вдоль ее берегов...

Белая тень выплывает из лунных лучей навстречу Турушу, смотрит ласково, кивает приветливо.

— Мама?!

Мать осторожно берет его за руку. Такое доброе, такое родное, давно позабытое прикосновение.

— Если бы ты знала, как я не хочу обратно, — жалуется Туруш. — Стать бы снова маленьким, играть на лугу с жеребенком. И чтобы ты сидела на траве, и плела венки из полевых цветов, и улыбалась, глядя на меня... совсем, как раньше...

Но она только качает головой, прижимает палец к губам. Рядом возникает еще одна тень. Туруш узнает прабабушку Айлу. Старая шаманка властно манит за собой, указывает на излучину реки, на темнеющую над берегом пещеру. Юноше, спящему на каменном полу, пора просыпаться. Малой душе надо возвращаться на свое место.

Лопата с усилием входит в темную глину, подхватывает тяжелые комья, плюхает на носилки. Тонкий первый снег растаял давно, день сырой и хмурый. Турушу жарко, пот ручейками сбегает по спине. Он старается не думать ни о чем, кроме работы, отмахнуться от непрошенных мыслей. А они, как мелкая лесная мошка, назойливо мельтешат, донимают, не отстают.

Почти две недели прошло с той ночи. Туруш помнит, как шел за Уктабаем в пещеру, нес связанного козленка и топливо для костра. Помнит, как трещали в пламени принесенные дедом сухие травы, наполняя воздух горьковатым дымом. А дальше — жуткий, тяжелый,

мутный сон. Или не сон? Туруша мучают страхи, терзают кошмары... Деда спрашивать боязно, а кроме него, кто знает правду? Наверняка известно только, что часового задрал то ли медведь, то ли волк. И что в одном из бараков все легли спать здоровыми, а к утру метались в горячке и вопили так, словно стаи темных духов пожирали заживо их истощенные работой тела. Сначала думали — гнилая лихорадка людей подкосила, а то и тиф. Однако к исходу третьего дня болезнь пошла на убыль так же стремительно и непонятно, как началась. Люди очнулись, пришли в себя. Снова застучали кирки и лопаты, заурчали машины. Не было ни слухов, ни разговоров о зарубленном ночью ходячем мертвецце. Но пережитый ужас никуда не ушел — рваными клочьями серой пелены плавал над головами, заслонял солнечный свет.

Жена Большого Человека, говорят, недовольна отсрочками — требует поскорее поставить над рекой волшебную мельницу. Видно, не по душе ей сидеть вечерами одной в темноте, чувствовать, как бродит вокруг бесприютная тень Ынжынера. Ольга опять приходила в аил, уговаривала людей поработать на стройке. Сказала, Чтущие дадут за это денег. Деньги всегда нужны, но мало кто согласился. Туруш сам не пошел бы — отец велел. Вот и приходится копать сырую глину да искать ответы на вопросы. Можно, конечно, сходить проверить, лежит ли еще утопленник под гнилыми ветками плавника. Но Туруш никогда на это не осмелится. Страшно ему, ох как страшно...

Все чаще выгоняет Юлген на небо стада тяжелых туч — вот-вот укроет землю снегом по-настоящему. Туруш поглядывает на тучи, гадает, успеют ли Чтущие закончить работу до зимы. Народу вокруг прибавилось — Ольга и сама пришла помогать, и учеников привела из тех, что постарше. Байныс тоже среди них. Все заняты делом, по сторонам не смотрят.

Глухой, ритмичный стук бубна заставляет людей оторваться от работы, распрямиться, повернуть головы. На дальнем краю котлована пляшет и выкрикивает заклинания старый Уктабай. Туруш видит целый рой духов, собирающихся вокруг щуплой, согнутой прожитыми годами фигуры деда. Темные, стремительные, летят они на призыв, выстраиваются за его спиной в неровную, колеблющуюся в такт ударам цепь. Уктабай начинает быстро выбивать одному ему ведомый сигнал. При первых же звуках нового ритма работающие на дне котлована недавние больные застывают на месте. Их малые души вылетают из тел, послушно мчатся на стук. А темные тени, призванные шаманом, бросаются на обездушенных людей, усаживаются им на плечи, плотно обхватывают ладонями глаза.

Кровь! Они пришли за свежей кровью!

Туруш хватается за руку Байныс, тянет прочь — лишь бы отошла от края, лишь бы не увидела, как там, внизу, оседланные духами слепцы разбивают кирками и лопатами головы в панике карабкающихся вверх часовых.

— Ну что же вы?! — кричит Ольга тем охранникам, что стоят наверху. — Стреляйте!

Те смотрят растерянно — там, на дне, все смешались в одну хрипящую, окровавленную массу.

— Да не в них!

Ольга выхватывает наган. Навскидку, почти не целясь, палит в Уктабая. Старик складывается пополам, роняет

бубен в котлован. В наступившей тишине люди и духи, замерев, следят за его падением...

Убить шамана — к беде. После смерти он будет мстить до тех пор, пока не погубит всех в роду обидчика. Только сам повелитель Эрлих может справиться с одержимым духом, запереть его в подземном царстве, не пускать на землю. Но мало кто из ныне живущих умеет вызвать Эрлиха и остаться при этом в живых. А уж упросить его помочь и во все никто не способен. Потому-то дух застреленного Уктабая бродит без помех по берегам почти замерзшей реки.

Еще один отрезанный день упал за горизонт. Вместо круглого диска луны висит над утесами тонкий, истаявший месяц. На дне котлована, под слоем земли, лежат убитые. Там лежит тело старого шамана.

Туруш очень устал, но не может спать. По ночам является во сне разгневанный дед. Требуется найти бубен, завершить начатое. Малая душа Туруша хранит память о том, как гремел-рокотал бубен той страшной ночью, когда утопленник загрыз часового. Дед подскажет заклинания, ладони сами отстучат нужный ритм — и земля зашевелится, полезут из нее слепые, безглазые трупы, готовые на все ради глотка свежей крови. Вскарабкаются по утесу, обрушат стену вокруг поселка Чтуших. Убьют всех чужаков, убьют светловолосую. Тогда исполнится месть Уктабая, и некому будет достроить колдовскую мельницу, и вернется установленный веками порядок. И все будет по-старому.

Туруш смотрит на блестящий в небесах серп. Каждый месяц ночная тьма поедает луну, и каждый месяц та вновь отраживает сияющую плоть на своих круглых боках. Что было раньше, свет или тьма? Осенью снег укрывает траву, весной трава пробивается из-под снега. Что было раньше, весна или осень? Что, если и старые порядки, и новые законы на самом деле не стары и не новы, а подобны временам года, ночи и дню? Вечно бегут по кругу, сменяя друг друга и возвращаясь опять на тот же круг? И нужна ли им для этого помощь людей, нужны ли кровавые жертвы?

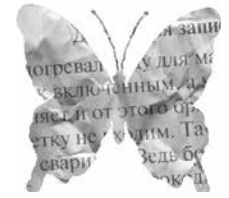
Туруш вспоминает рассказы деда о подземном царстве. Что ж, может, Эрлиху жертвы и нужны. Тогда пусть возьмет их сам. Пусть мироздание само решит, что должно уйти, а что — остаться. А Туруш не хочет мстить. Не хочет никого убивать. Он отказывает деду.

Однако Уктабай не хочет отступаться — тень его скользит над речным льдом, швыряет в промоины горсти злых мыслей, втолковывает водяному духу, как ответить оскорблением на оскорбление. Не нужна теперь старику помощь Туруша. Новый союзник — хозяин порога — сам прогонит непрошенных гостей.

«Уходи! — велит бывший шаман внуку. — Возвращайся обратно в аил!»

Туруш поворачивается, бежит к временкам, где ночуют его соплеменники, — негоже спастись одному, надо и их разбудить, увести подальше. За спиной сердитый поток все громче бьется хребтом о ледяную кору. Трещат перемычки...

Утром в аил приходят Чтушие, приказывают собирать сходку. Велят позвать всех, кто работал на стройке, — даже женщин, даже юнцов. Пытаются дознаться, почему люди вдруг среди ночи ушли от реки. Часто звучит новое, непонятное слово — «авария». Все молчат.

ФАНТАСТИКА

И вдруг из задних рядов, оттуда, где стоят рядом с Ольгой работавшие на стройке школьники, звонко кричит Байныс:

— Это Туруш всем сказал, что надо уходить! Беда, сказал, близко!

Страх в голосе Байныс. Но не мести извечных боится она и не гнева предков, а того, что из-за родства с внуком шамана рухнут все ее планы, не сбудутся мечты. Не будет ни города, ни училища, и без нее уедут трамваи. И опять не останется в жизни другой дороги, кроме замужества с противным стариком. Потому и торопится Байныс выкрикнуть все, что знает, пока кто-то другой не опередил. Ей очень жалко себя и совсем не жалко Туруша. А слепленные когда-то глиняные свистульки, выструганные из деревяшек куклы, принесенные с базара леденцы давно забылись. Кто же помнит такие мелочи?

Чтущие переглядываются, переговариваются между собой. Кто-то произносит еще одно непонятное слово — «диверсия». Туруша окружают, уводят из аила.

От резкого ветра на глаза наворачиваются слезы. Гнутся к земле голые прутья кустов, летят вдоль троп клочья сухой травы. В воде затопленного котлована отражаются рваные тучи, быстро бегущие по серому небу. Плавают среди сора шаманский бубен. Снова, как той страшной ночью, смотрит на Туруша винтовочный глаз. И все повторяется. Искристая вспышка. Толчок в грудь.

И на этот раз обе души — и большая, и малая, — слившись в одну светлую, невидимую живым тень, взмывают над утесами, летят все выше, выше — туда, где на зеленых лугах Юлгена можно вечно играть с жеребенком и смотреть, как мать плетет венки из полевых цветов.

Лишь иногда пробьется к небу тоскливо-протяжный зов Уктабая, заставит взглянуть вниз. Там по скрипучим половицам старой школы бродит дряхлая Байныс. Зажигает маленькое солнце в горнице со стеклянными ящиками и портретами на стенах. На портретах — Большой Человек, и Ынжынер, и Ольга. В ящике под стеклом — старый шаманский бубен и Ольгин наган.

На реке шумит колдовская мельница, мелет в мелкую крупу солнечные лучи. Над нею кружат светлые и темные духи. Новые шаманы камлают у старых святилищ. А на дне бывшего котлована, ставшего хранилищем речной воды, притаился укрощенный хозяин порога. Ждет своего часа.

